

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

определяет стратегический горизонт, а также создает режим наибольшего благоприятствования движению в избранном направлении. Или же напротив – провоцирует жесткое противодействие среды.

Иначе говоря, действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения технических условий, психологии либо морали, но и с позиции, которую можно определить как метафизическую, оказывается помимо прочего серьезной практической, едва ли не прагматичной проблемой.

Взаимодействуя со все более высокими уровнями сложности, постигая и формулируя, в частности, статус постсекюлярности, мы ощущаем соприсутствие сил, законов, конструкций, которые до конца не понимаем, однако пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем (в качестве примера укажу на такие явления, как *synchronicity* и *serendipity*). Подобный подход, позволяющий осознанно и продуктивно действовать в ситуациях серьезной неопределенности, предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы/знания от субъекта и даже от метафизических обстоятельств.

САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ КРИТИЧНОСТЬ

Кризис отношений с возрастающей комплексностью и критическим статусом технических, биологических, социальных, антропологических систем предвосхищает коллапс управления/контроля, равно как стимулирует грядущий прорыв к радикально иным принципам познания/действия.

Уникальность возникающих ситуаций, их подвижный характер, взаимопроникновение (диссипация), универсальная связность (голографичность), каскадная новизна, нелинейность, высокая степень критичности требуют не просто очередной ревизии привычных алгоритмов действия или даже пересмотра эпистемологического тезауруса, но изменения самого способа освоения калейдоскопичного универсума. Существующий категориальный аппарат и методы конвертации обретаемого знания (подчас прямой его редукции) в силу обнаруживаемых несовершенств все чаще используются, если можно так выразиться, метафорически, препятствуя восприятию новых ферментов и осознанию изменившихся форматов бытия.

Особенно впечатляют изъяны, вызовы, перспективы в сфере социальных и гуманитарных дисциплин, включая военные, происходящее переосмысление правовых, финансовых, информационных, математических теорий и практик, транзит от логики последовательного выстраивания процесса, смена дисциплинарного и индуктивного направления рассуждения («снизу вверх») на матричный гештальт, низводимый и актуализируемый в нужный момент в нужном месте.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Девальвация дисциплинарного консенсуса предопределила развитие таких методов, как негативная диалектика, самоорганизующаяся критичность, синергийный подход к миропознанию, миростроительству, ко всему пространству операций. И это лишь начало процесса, речь, по-видимому, идет о развивающемся состязании в преадаптации – параметрах социокультурной и методологической революции, об изменениях в языке и семантике, о генезисе иной рациональности, возможно, фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. И не в последнюю очередь – об осмыслении самого модуса апофатического мировосприятия, а также о рецептах и сценариях постижения непостижимого, которые формулировались, развивались преимущественно в Византии в среде исихастов. В том числе о переносе акцента на внекатегориальное опознание/осознание инакостей, когда знание о неизвестном оказывается не фокусировкой обретенной в разное время суммы аргументов, но узнаванием и познанием: иначе говоря, событием встречи и обладания, то есть фактом. Мы избородили пространства ума, но не сердца.

Наконец, не исключено, что именно апофатическое мировидение и синергийный тип мышления/сознания, способный познавать неординарные идентичности, судить алогичные перипетии и выносить относительно них верные вердикты, не зная всех обстоятельств, вынужденных оперировать в среде беспорядочных иерархий в условиях губительной новизны, могут стать основой следующего поколения интеллектуальных практик, послужив трамплином для витка цивилизационной динамики.

Культура невербального постижения предполагает мгновенную ориентацию в распределенных множествах, облачных структурах, особую технику взаимоотношений с иным, усилия и процедуры по осознанию и удержанию неопределенной комплексности не только в ее существенных чертах, но в целостности и полноте. Другими словами в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован специфический модус и опыт взаимодействия с формально неотрефлексированными, неопознанными, телеологическими и теологическими измерениями бытия...

Возникающие в связи с этим предположения, пожалуй, можно кратко изложить следующим образом: человек в обстоятельствах принятия критически сложных решений верно избирает и успешно преследует цели, если пребывает в непрерывном процессе трансценденции и саморазвития. Или на языке иной системы мировоззренческих координат – если он постоянно беседует с Богом.

